

ство, то какимъ образомъ Л. Толстой считаетъ возможнымъ разсуждать о борьбѣ его съ животной личностью, о борьбѣ единства съ тѣмъ, что оно объединяетъ? Одно изъ двухъ: если говорить о борьбѣ разумнаго сознанія съ животной личностію, то необходимо утверждать существованіе двухъ самостоятельныхъ, борющихся началъ въ человѣкѣ, двухъ *я* въ человѣческомъ существѣ, что психологически нелѣпо. Если же говорить о разумномъ сознаніи, какъ единствѣ психическихъ актовъ и временныхъ сознаній, связанныхъ съ животной личностію, то нельзя противопоставлять ихъ взаимно, чтобы не впасть не только въ психологическую, но и логическую нелѣпость. Если, далѣе, и въ разумномъ сознаніи видѣть олицетвореніе свойства человѣка любить, а не реальное психическое начало, то гдѣ же тогда то *я*, которое въ животной личности является эгоистомъ, а въ разумномъ сознаніи—носителемъ закона любви? Его нѣтъ въ психологіи Л. Толстого. То, что у него носитъ названіе личности, т. е. животная личность, есть переходящее начало, связанное съ тѣломъ—вѣрнѣе, это свойство вещества, уничтожающееся со смертію тѣла. Это-то животное, индивидуальное тѣло оказывается одареннымъ сознаніемъ, и такимъ образомъ поднимается старый тезисъ матеріализма о сознаніи, какъ свойствѣ матеріи. То, что есть существеннаго, непреходящаго, вѣчнаго въ человѣкѣ, есть его разумное *я*. *ничто* безличное («нѣчто»! Л. Толстой могъ бы поточнѣе выразиться, если онъ не играетъ словами), но это безличное *я* оказывается одареннымъ и самосознаніемъ, и памятью, и способностію любить... Какимъ образомъ можетъ быть научно оправдано такое сочетаніе психологическихъ понятій,—предоставляемъ выяснитъ самому Л. Толстому.

На основѣ этой странной психологіи и основано у Л. Толстого ученіе о любви къ ближнему, какъ основномъ «законѣ жизни». Но какимъ образомъ? Изъ сознанія тлѣнности животной личности и тщеты ея стремленій къ животному благу повидимому вытекала бы проповѣдь одного аскетизма и въ крайнемъ случаѣ даже самоубійства. Если я убѣдился, что исканіе благъ животной личности ни къ чему не приведетъ, кромѣ страданій и смерти, то мнѣ остается по мѣрѣ силъ умерщвлять